

...И ЗНАЮТ НАРОДЫ: МЫ — АРМИЯ МИРА,

НА ЗАРЕ двадцатого века, весной 1903 года в деревне Карабатове, в семье Якова и Александры Одинокых родился мальчик Капитон. Недолго пришлось молодой матери лелеять своего сына: болезнь свалила ее.

Сильно горевал Яков, а ребенку нужна была мать. Через год в доме появилась невысокая, светловолосая женщина. Она и стала матерью малышу. Отдала ему все тепло своей души. Капитон был единственным ребенком в семье, мать и отец в нем души не чаяли.

Мальчик рос здоровым имышленным. К началу двадцатых годов это был уже юноша, веселый и подвижный. В те годы в деревнях начали открывать избы-читальни. На должность заведующего избы-читальней в Карабатове выбрали Капитона Одинокова. Стал он работать «избачем», как тогда говорили, вступил в комсомол, организовал комсомольскую ячейку.

В трудные годы коллективизации Капитон Одинокоев активно участвовал в организации колхозов. Работал и секретарем Карабатовского сельского Совета, тогда же и вступил в члены ВКП(б). Показал себя стойким коммунистом, в 1933 году его направили в Холынский сельский Совет председателем. Трудно тогда было советским работникам: часто им грозили расправой, избивали. Шел однажды Капитон Яковлевич из Холына в Карабатово, только прошел Григорово, заметил, что за ним бегут двое с дубинами. Он прибавил шагу, потом побежал, благо был легок на ногу. Прибежал в Гужово (тут уж недалеко было), долбом пробрался в крайний дом к своему давнему другу, а там сидел Михаил Одинокоев. Хозяйка дома дала старшим детям по куску сахара и отправила на другой конец деревни к бабушке, чтобы не проболтались. Капитон и Михаила домой не пустили, а заперли в темный чулан. Хозяин дома пошел в соседнюю деревню к Устинье Бершадченко, выпросил лошадь и привез домой немного дров. К вечеру погнал лошадь обратно, захватив с собой Капитона Яковлевича (Михаил остался ночевать). Вечером они перебрались в Григорово, а уж потом «пленник» пошел в Холыно.

С тех пор Михаил и Капитон Одинокоевы получили прозвище «Тюрьма». Ведь как-никак, а чуть не полдня под замком сидели. Уже позднее, собираясь вместе, хохотали сами над собой. Умели радоваться жизни эти люди: часто шутили, смеялись.

А как они пели! Слушаешь и не можешь наслушаться. Если же случалось с ними быть Синева Евстафию, то песня заворачивала, уносила куда-то высоко и слушателей, и исполнителей. Пели они разные песни, русские и украинские, народные и революционные. Чистый, редкой красоты голос Евстафия летел вдале, заставлял забывать все, а помнить только песню. Это теперь деревни стали немыми, а тогда они были песенными. Теперь же только смотрим и слушаем, а тогда люди сами веселили себя без всякого вина.

А Устинья Бершадченко заподозрила что-то неладное, потому что уж очень мало наложил Василь дров на телегу и

быстро уехал, не поговорив с нею о делах. А потом снова к вечеру вернулся с незнакомым человеком и попросил его накормить. Устинья Бершадченко долго допытывалась у своего «коллеги», кто же «быв тот гарный парень» и зачем на самом деле понадобилась Василию лошадь. Долгие годы спустя баба Устя при встречах любила повторять: «От, як добре мы робили с Африкановичем у двох». Синева Василий Африканович и Устинья Бершадченко в то время работали сельскими уполномоченными: первый — в Гужове, вторая — в Чай-поселке, где жили переселенцы с Украины.

Когда бабе Усте рассказали, что произошло и кто «быв тот гарный хло-

ЕГО СУДЬБА

пец», она все повторяла, прищелкивая языком: «От это лихо». Сам же Капитон Яковлевич вряд ли кому рассказывал об этом и грустном, и смешном случае из своей жизни.

В Холынском сельсовете дела с коллективизацией наладились как-то быстро. В 1935 году Капитона Яковлевича направили поднять работу в Андрейковском сельсовете. А с начала 1938 года он уже заведовал общим отделом Большемурашкинского РИКа, т. е. районного исполнительного комитета.

Через год Капитона Яковлевича назначили инструктором райкома партии. Да, умел подбирать партийных работников Александр Иванович Серов — первый секретарь райкома партии. Сам был человеком редкой души и работоспособности, и окружение себе подбирал такое же.

Капитон Яковлевич Одинокоев заметно выделялся среди других своей внешностью: всем своим обликом и редкими душевными качествами. Щедрость и приветливость он унаследовал от своих родителей: Яков Степанович и Екатерина Яковлевна были на редкость добрыми и радушными людьми. У них было несколько ульев, и они любили угощать людей, приходивших к ним. Поставит Екатерина Яковлевна самовар на стол (обязательно оботрет его фартуком), рядом вазочку с медом и приговаривает: «Пейте, чай полезен, особенно с медом!».

Умел дружить и помогать друзьям Капитон Яковлевич. У них с Любовью Федоровной было уже двое детей, когда они пригласили к себе жить Кузнецова Федора Яковлевича с женой Шурой и дочерью Галиной. Так и жили две семьи вместе целый год в одной комнате.

ПОЧТИ полвека прошло с тех пор, как не стало этого чудеснейшего человека, но до сих пор не померкли в памяти черты. Он был невысокого

роста, а казался высоким: так стройна была его фигура. Чистый, высокий лоб обрамляли темные волнистые волосы, но особенно поражали на этом красивом лице темно-карие глаза, в которых светился ум и еще что-то мягкое, притягивающее. Все было в нем красиво: даже домашний костюмчик сидел как-то щегольски на его ладной фигуре. Девчонки-девятоклассницы, по меткому замечанию одной из них, прозвали его «Князь Андрей Болконский».

Во всех отношениях красив был этот человек, но особенно привлекало его бескорыстие, исключительная честность и кристальная чистота. Как он радовался всему новому, росту колхозов, появившемуся достатку в домах колхозников, тяге молодежи к образованию. Как бы он гордился теперь своим родным Карабатовом! Ведь при его жизни там были маленькие избенки на Горе и Чебурах, нут-чуть получше они были на Завраге, но глины и соломы везде было достаточно. Воду весь Нагорный порядок носил чуть не за километр. И конечно порадовался бы курьезу: прошлым летом ехал автобус в Карабатово, увидели пассажиры на горе большие белые дома и усомнились в правильности пути. Повернули в Гужово, расспросить о дороге, сказали, что вместо деревни там какой-то город, а в Гужове им объяснили, что «этот город и есть Карабатово».

Два года работал Капитон Яковлевич в райкоме партии, как он вырос и политически созрел за эти два года! От природы он был талантлив и смел, целиком отдавал себя работе и учебе. Он еще и учился в школе политических работников. Каждый год в течение двенадцати лет он должен был выезжать в Севастополь и проводить в школе по три месяца в год. Срок обучения рассчитан был на полных три года. Вместе с ним там же учились Александр Яковлевич Тартыгин, Алек-

сандр Григорьевич Абакшин, А. Т. Дробных и другие.

РАНЕЕ весной 1941 года Капитон Яковлевич зашел к нам проститься, как всегда принес малышам леденцов. «Уезжаешь, а где Любовь с девчонками будет жить?», — спросил его отец. «Пока поживет у моих родителей. Ты вот как справишься со своими? Хватит ли сил всех выучить, пятеро ведь?». Он уезжал работать в одну из парторганизаций Севастополя, решил, что там и учиться будет легче. Видимо, в политшколе сразу сумели разглядеть и оценить по достоинству этого человека, сразу предложили переехать со всей семьей. Он всегда и везде был на своем месте, его недюжинный ум работал быстро и четко, не расслаблялся, не давал осечки, твердо шел к намеченной цели. А цель была одна: как можно больше пользы принести Родине, народу.

9 мая 1941 года Капитон Яковлевич Одинокоев уехал в Севастополь, полный жизненных сил, полный желания учиться и работать, уехал и больше не вернулся — погиб при обороне Севастополя. Ему присвоили звание капитана III-го ранга, значит он воевал на корабле. О наградах он не писал, не до того было, да и скромный был, хвалиться не любил. И без того был заметен! Точных сведений о его гибели нет: должно быть, утонул, когда немцы бомбили последние корабли, покидавшие Севастополь.

ТРИ девочки остались без отца. Маше тогда было четырнадцать лет, Тоне — около десяти, а Кима совсем малышкой была. В настоящее время Мария Капитоновна и Кима Капитоновна живут в г. Горьком, Антонину Капитоновну после окончания института направили на работу в Сибирь. Там она и живет. В Б-Мурашкине живет одна внучка Капитона Яковлевича — Нина Малова.

Любовь Федоровна Одинокоева последние годы своей жизни провела в Карабатове, жила со свекровью в стареньком домике, похоронила Екатерину Яковлевну, а вскоре и сама ушла вслед за нею. Яков Степанович не вынес потери единственного сына, умер вскоре после его гибели.

Из друзей Капитона Яковлевича в огне войны уцелели Александр Яковлевич Тартыгин, Александр Григорьевич Абакшин, Ипполит Иванович Рагузов — самый близкий друг Одинокоева.

...

Капитан III-го ранга Одинокоев Капитон Яковлевич погиб. Его жене пришлось извещение, в котором значилось: «Пропал без вести». И чем дальше уходит время от тех событий, тем ближе и дороже становятся люди, не пришедшие с войны. Давно их уже нет в живых, но память цепко хранит все, что связано с ними. У каждого из нас живущих в душе мерцает внутренний экран, смотрят с него на нас дорогие лица. Они не напрасно жили, эти люди! Все свои помыслы, все силы отдали Родине и погибли, ее защищая.

Д. Гужово.

К. СИНЕВА.

В следующем году исполняется 75 лет со дня окончания Великой Отечественной войны! Чем дальше уходит время от этих событий, тем ближе и дороже становятся люди, не пришедшие с войны.

Дети войны

Вдов солдатских на заре не будите...

ДАВНО ИХ УЖЕ НЕТ в живых, но память хранит все, что связано с ними. Они не напрасно жили и отдали свою жизнь родине и погибали, ее защищая.

Я хочу рассказать о своем отце — Одинокове Капитоне Яковлевиче (1903-1942 г.р.), который погиб 28 февраля 1942 года при обороне Севастополя. У него было звание капитана III ранга, он воевал на корабле, утонул, когда немцы бомбили последние корабли, покидая Севастополь.

Нас у мамы осталось трое. Марии было 14 лет, Тоне — 10, а мне — 1 год. Жили трудно, как все дети без отцов. Много слез было пролито вдовами войны в подушку, но надо было как-то растить детей. Я помню, как мы сидели около печки у таганки и с нетерпением глядели на чугунок с картошкой — хотелось скорее поест. Хлеба не было. С вечера мы отправлялись на крыльцо райпо, занимали очередь за хлебом, а утром давились в магазине напротив (у Феди Сажина).

Кима Капитоновна Сорокина (Одинокова),
1940 года рождения

Я была маленькой, худенькой, протягивала руку под ногами взрослых и мне доставалась буханка ржано-

го хлеба, и я победоносно шла домой.

Не было дров, давали по три куба осины, и мы с мамой

их пилили, а мне было лет 9-10, но я считала себя взрослой. Мама глядела на меня и плакала. Этих дров не хватало и рубили сирень, бузину и все, что попало, только бы протопиться.

Мужчин в доме не было и денег тоже. Тоня тогда училась в институте в Горьком и все гроши-копейки отсылали ей, а себе на пропитание оставляли 9 рублей.

Помню, как вроде от исполкома, детям давали по одному половнику жидкой манной каши и стакану морса, запах которого помню до сих пор. Весной и летом мы, истощенные и голодные, дружно мчались в лес за витаминами. Щавель, пестушки, борчевки, пустотел съедали на месте, а позднее земляника, черемуха, малина словно воскрешали нас.

Как это было давно, что кажется полузабытым и милым сердцу.

Ходила я в обносках, с чужого плеча. Обуви не было. В лес, в поле ходили босиком. Случалось наскоким на сучок, пораним ногу, замажем землей и «дуем» дальше.

Но жизнь брала свое. У нас в семье все любили петь песни, и я их все знала от старших сестер. Помню, как они пели песню, не зная автора (наверное, слова народные), но когда они ее пели, все плакали. А слова были такие:

*Разлилась заря вокруг
алым светом,
И роняют журавли
бабье лето.
Ах, журавушки, в сентябре
не кричите,
Вдов солдатских на заре
не будите,
Хоть во сне они своих
солдат зацелуют,
Пусть забудут, что весна
не вернется,
Пусть седина в косах
вьется...*

Маму я никогда не бросала и не забывала. Последние 15 лет на зиму она приезжала в город, ко мне, а летом уезжала в д. Карабатово, там был старенький домик после родителей отца.

Мама, милая, родная, единственная... Не зарастет тропка к твоей могилке, пока жива я.

А в Севастополе я была

два раза — кланялась вечному огню. Мой отец погиб в 39 лет, а я никогда не знала и не произносила слово «папа». До войны он работал в Большом Мурашкине в райкоме партии. Был умен, талантлив, бескорыстен и честен. Другьями его были Александр Иванович Серов и Ипполит Иванович Рагузов.

Сейчас из детей нас осталось двое — Марии уже нет в живых, а Тоня живет в Тюмени, так и осталась там после окончания института, туда ее направили по распределению. Проработала всю жизнь директором школы.

Я живу в Нижнем Новгороде, жаловаться не на что, все есть. Но на сердце опять неспокойно — Украина, а у меня там живет единственный сын с семьей. Олег — полковник запаса. Боюсь, заберут на войну в Донбас. Не могу больше слушать телевизор. Единственное, что спасает — Олег звонит каждую неделю. Как услышу его голос — слава Богу, живой! — и вроде немного поспокойнее становится.

Пользуясь случаем, передаю привет в Мурашкино всем, кто меня помнит, и, конечно, низкий поклон с пожеланиями здоровья, благополучия, спокойствия моим одноклассникам.

С уважением,
Кима Капитоновна
СОРОКИНА (Одинокова)

Фото предоставлено автором